

«Виноградная косточка» Валерия Сергеева

ТАКИМ ОН БЫЛ

40 дней театр живёт без своего директора. Энергичного, неуёмного Сергеева, не знавшего слова «нет», когда вопрос касался интересов театра, не принимавшего никакой критики в адрес театра, любящего театр безоглядно. Он вникал во всё, заполняя собой всё пространство театра. Радовался успехам артистов.

«Пробивал» в Министерстве культуры для них звания и гордился вместе с ними – заслуженными и народными. С придыханием и нежностью относился к «старикам», гордился членами своей команды. Заявил о театре громко – на весь мир, как никто до него. Мы – первый русский театр. Начинать в Европе, продолжал в Америке, закончил в Японии. Географии гастролей Волковского позабывал бы любой столичный театр. Привил к Ярославлю международный театральный фестиваль. Вдохновенно звонил со сцены в хрустальный колокол, провозглашая: «Волкову, Волкову, Волкову всем мы обязаны». Очередной VIII фестиваль, который проходит в эти дни, посвящён памяти Сергеева.

Ему внимали артисты из лучших провинциальных российских театров, а также театральные деятели Америки и Египта, Швеции и Японии, Бразилии и Финляндии, Москвы и Петербурга. «Сергееву, Сергееву, Сергееву всем мы обязаны»? Роль директора стала главной в его жизни. В театре нет ни одного человека, кому бы он не помог в трудной жизненной ситуации. Добрый и понимающий. Не было ни одного, кто бы хоть раз не обижался на директора – горячего, шумного, хотя и отходчивого. Но нет в театре ни одного человека, который не понимал бы масштаба личности Сергеева.

Как и полагается, сегодня о Валерии вспоминают коллеги и близкие, в их рассказах – и грустных, и весёлых – такой узнаваемый, настоящий, живой Сергеев.

Нина Шалимова, доктор искусствоведения, театральный критик:

– Валерий любил Волковский театр преданно и наивно, вернее, проявлял эту свою любовь наивно и резко. Он никому не давал обидеть театр, а с теми, кто позволял себе что-то говорить в адрес театра – не то что плохо, а просто не так, как он – прекращал отношения. Он настоящий волковец, это было во всех его поступках.

Театр много ездил, и все эти гастролы – вопрос его личной отваги. Директор – это постоянный поиск денег для театра. Где-то убедить, где-то прогнаться, обаять – он умел всё. Как-то во время Дня города я оказалась рядом с ним на корабле во время салюта. Он уже «принял на грудь», как и все, и стоял один, меня он не видел. Вспышка на небе – огни рассыпаются, Сергеев смотрит и говорит: «Гастролы горели», ещё одна вспышка, бормочет: «Декорации спектакля взлетели», ещё одна – продолжает бормотать себе под нос: «Премии не будет». Весь фейерверк перевёл на деньги. Это было ни для кого. Это было внутреннее бормотанье. Расслабиться не мог даже во время праздника. Это может показаться наивным и неправильным, но...

Он, как человек театральный, хотел и добивался званий. Стал народным артистом, когда играл уже немного. Но при нём стали народными и другие, и это было каждый год. Добивался, ездил в Министерство культуры.

Целая группа при нём получила «заслуженных». Заслуженно. Он понимал, что это престиж театра, показатель жизни театра.

Как театральный критик могу сказать, что его актёрская манера была истинно волковской – подчёркнуто театральной. В ней присутствовал момент чистого актёрства – я на сцене, я играю. Иногда перетягивал – я – в центре, остальные – вокруг меня. Умно построил вокруг него «Корсиканку» Воронцов, умно отдал ему начало спектакля «Село Степанчиково и его обитатели» Боголепов. Он сразу брал зрителя – глаза в глаза, дальше можно было играть «как по маслу». Это высокий уровень мастерства.

Но быть для театра директором оказалось для него интереснее, чем актёром для себя. Директорский азарт, который у него был, перехлестнул его желание играть. Как бы ему ни было трудно в последнее время, он не «складывал крылья», жил в полёте. И умер «на лету». Уход Сергеева за Боголеповым закрыл эпоху Волковского. Начнётся что-то новое, но оно будет уже совсем другим.

Последние 15 лет всегда рядом с Валерием была его вторая жена Ирина Ефимова. Как-то в разговоре она сказала, что с Валерием часто происходят такие смешные истории, что она начала их записывать:

– Для организации поездки театра в Данию Валентина Владимировна Терешкова познакомилась Валеру с директором Российского центра в Дании Александром Михайловичем Хоменко. Они договорились, что через месяц Сергеев приедет в Данию для решения конкретных вопросов по гастролям. Но он решил объединить две поездки – в Финляндию и Данию и прибыл с большим опозданием. Закончив переговоры в Финляндии, попросил разрешения позвонить оттуда в Данию. Несмотря на очень небольшой бюджет, в Русском доме ему позволили воспользоваться телефоном. Валера сообщил Хоменко, что будет у него завтра. Услышав, что его не ждут, заняты приёмом Лазарева и Немолояевой, он стал кричать: «Как это не ждёте! Мы первый русский театр, мы приехали, а вы не ждёте!» Так он кричал минут сорок. В таких случаях он ждал только одного ответа: «Исправимся, товарищ генерал. Извините».

Люди, которые ему разрешили позвонить, уже задумались – что с ними будет, когда начальство получит такой счёт за телефон. Когда я попыталась сказать ему, что нельзя таким длинным разговором подставлять людей, он закричал: «Заплачу-у-у!» Конечно, не заплатил. Мы всё-таки приехали в Данию, где он имел возможность поругаться с Хоменко ещё и лично. Самое интересное, что впоследствии они стали большими друзьями.

В Праге после спектакля «Платонов» он увидел, как режиссёр Иван Раймонт даёт команду поднимать декорации, освобождал сцену. Там профсоюз строго следят, чтобы люди не работали сверхурочно. Сергеев понял, что вечером нашу маши-

Фото: Сергей Метелица

ну не загрузят, и она не уедет. Он так ругался, слушать не хотел ни про профсоюзы, ни про их порядки. Какая уж тут дружба! Всегда приходил в чужой монастырь со своим уставом.

В Египте поругался с администратором принимающей стороны, который потребовал оплату в долларах. «Оплата должна быть в валюте вашей страны; у вас неправильно работает министерство финансов!» – кричал Сергеев. Даже на японцев сумел покричать! Шла наша репетиция: новая сцена – надо соединить движение, свет, звук. Сергеев сел в зал и каждую секунду останавливал артистов. У японцев сложилось мнение, что мы не готовы. Они попросили, чтобы мы показали им спектакль, который пойдёт вечером. Вот тут им и попало. «Вы не видите, что артисты устали! Как они будут работать вечером, если не отдохнут! Мы готовы, и не надо в этом сомневаться!» – кричал Валерий. Сами артисты были согласны показать спектакль комиссии. Директор наконец-то разрешил прогон спектакля. Все закончилось прекрасно, гастролы прошли «на ура».

У него была планка – как надо, и он не давал её понижать. Поэтому спорил и ругался часто. И тем не менее всюду относились к нему с уважением. Когда в Вашингтоне, в Гринберг-театре, где мы играли спектакли, узнали о смерти Валерия, то решили увековечить его имя, сделав табличку на театральное кресло. Так они отмечают тех людей, кто сыграл какую-то важную роль в жизни их театра.

Есть истории откровенно анекдотические. В Хельсинки живут мои друзья, можно сказать, почти родственники, пожилая семейная пара. Как-то Валера поехал в Финляндию, а я не успела приготовить для них подарки. Поэтому попросила Валеру не заезжать к ним. Когда он вернулся, привёз от них для меня гостинцы. «Я же просила не заезжать! Что ты им подарил?» Без тени шуток он серьёзно ответил: «Свой портрет».

Теперь, вспоминая прожитые годы, я точно могу сказать, что для Валеры были три священных момента в жизни – мать, дочь и театр. Он был очень внимательным и заботливым сыном. С дочерью его связывали очень близкие отношения. Вскоре после

смерти Валеры у него родилась внучка. Как бы он радовался и гордился! Ну а театром он жил.

О том, как родилась дочь Валерия, Ольга, вспоминает Эля Бойченко, которая жила в то время со своим мужем, актёром Алексеем Шумиловым, в одной коммунальной квартире с Сергеевыми.

– Когда Наташа позвонила и сказала, что у них родилась дочь, Валерий подпрыгнул до потолка. Они с Наташей очень хотели девочку. Потом Валера взял машину, и мы втроём поехали в роддом. Привезли Ольгушку домой.

Валера во всём был неуёмный. Всегда что-то новое искал, придумывал, был очень деятельный. Он определённо был баловнем судьбы. Как-то в Риге на гастролях мы вместе гуляли. Он курил, опустил в урну руку, чтобы бросить окурок, а там – деньги. Тогда мы пили чудесное вино – «Мокко», на него и употребили.

В той же квартире, на тех же известных «актёрских хуторах», вместе с семьёй Сергеевых жила и будущая народная артистка России Татьяна Иванова.

– С Валерием нас связывают годы давней дружбы. Он сам часто подчёркивал, что мы «птенцы одного гнезда». Мы оба не смогли уехать из Ярославля, хотя предложения были. Нас оставил в театре Фирс. Одно время мы и жили в одной квартире. Вместе возвращались после спектаклей. Придём, я ему говорю: «Пойдём, повинегретимся». Валера очень любил мой винегрет. Недавно я ему в больницу принесла винегрет, обрадовался: «О, твой винегрет!»

Семья Сергеевых меня поражала своей активностью. Телефон всё время разрывался – искали Валеру. Он всегда был в гуще жизни. Он не был приземлённым, но был земным человеком. Простым, добрым, щедрым. А какой это был партнёр на сцене – живой, тёплый! Лидерские качества в нём были очевидны с юных лет. Когда он стал директором, меня поражал его менеджерский талант. Он всегда был уверен в успехе. До него зарубежные гастролы были только в Польшу и Монголию, а с ним мы увидели весь мир. И ведь нигде никогда ничего не срывалось. Это его заслуга.

Он никогда не был директором на пьедестале, был челове-

ком, другом, партнёром. Все знали, что он горяч и крут. Накричит, оскорбит. Осознавал и извинялся: «Прости». 35 лет рядом – не верю, что его нет. Кажется, что уехал в командировку и должен вернуться в театр.

Почти столько же лет знает его и фотокорреспондент ИТАР-ТАСС Сергей Метелица. В его архиве хранятся снимки старых спектаклей, на которых – молодой актёр Валерий Сергеев. Директор Сергеев, привлекая в театр только профессионалов, в последние годы не мыслил ни одной премьеры, ни одного гастролей без Метелицы. Фойе театра стало постоянно действующей фотовыставкой, подробно рассказывающей обо всех перипетиях актёрской жизни.

– Несколько лет назад мы с Валерием вдвоём были в Америке. Это была важная поездка, которая определяла будущие гастролы. Во время культурной программы нас привезли в национальный парк под Вашингтоном, в устье реки Потомак. Кругом красота необыкновенная. Вдаль видим – по реке плывёт колесо – почти новое, диск блестит на солнце. Сергеев резко свернул с тропы, закатал брюки, вошёл в воду и начал вытаскивать колесо. Вытащил и сокрушался, что колесо-то совсем новое, а даже отдать некому.

На приёме у российского посла Ушакова Валерий познакомился с известными русскими эмигрантами – князями Оболенским, Голицыным. Оболенскому он так понравился, что тот пригласил его на свой день рождения. Так получилось, что Валера – весёлый, остроумный, обаятельный – представлял Россию. Эмигрантов он покорила. Валеру просили петь романсы. Он спел Есенина и свою любимую «Виноградную косточку» Окуджавы. Потом эмигранты пели старинные русские романсы под Валерину гитару. Со слезами на глазах. Он был так прост и естественен в общении, что мгновенно в любой компании становился своим.

Театральная легенда, которая носит имя «Валерий Сергеев», уже сложилась. Теперь она будет жить по соседству с легендами «Волков» и «Чудинова», «Фирс» и «Мася». В своей иерархии, со своими званиями, но – вместе. Русские театральные самородки.

Марина ШИМАНСКАЯ.